

А кто может знать, сколько безвестных, простых людей из армянского поселения „положили кости“ здесь же, недалеко от берегов Волги? Записки Аргутинского-Долгорукого с полной определенностью говорят о том, как во второй половине XIII века многие из армян оказались на казанской земле.

В русской оригинальной исторической повести „О Царьграде, о создании его и взятии турками в 1453 году“, древнейший текст которой приписывается очевидцу падения Константинополя некоему Нестору-Искандеру, сохранились сведения об участии армянских войск в защите города.

В повести рассказывается о том, как „безбожный царь Амуратов сын“ Магомет Второй пошел войной против последнего византийского императора Константина и осадил Царьград. По мнению исследователей, историческая часть повести написана во второй половине XV века на основании дневников и рассказов современников. Позднейшие наслоения появились в результате переделки текста неизвестным книжником „в духе новой идеи, обставленной политическими легендами о Царьграде и апокрифическими представлениями о будущих судьбах его“.¹

Интересующий нас отрывок относится к наиболее достоверной исторической части, в которой подробно описаны военные события: осада города турецкими войсками и героическая его защита „греками, фрягами и армянами“. Автор находился в турецких войсках, но был русским по происхождению, христианином, и горячо сочувствовал защитникам города, что не могло не сказаться как на идейной концепции повести, так и в описаниях битвы за Царьград.

Силы турок во многом превосходили число защитников города. Не говоря об огромном неравенстве флота (у византийцев было до 15 кораблей, в то время как флот Магомета насчитывал до 420 кораблей и прочих судов), турки выставили 258 тысяч войск, гарнизон же осажденного города составлял не более 7000 человек.²

Армяне упоминаются как участники двух крупных, решающих сражений. В византийских войсках греков, итальянцев и армян, совместно боровшихся против порабощения, объединяла и христианская идеология: „И яко слышаша люди звон церквей божьих, абие укрепияся и охрабришася вси и бяхуся с Туркы крепчае первого, глаголюще друг другу: днесь да умрем за веру христьянскую“.³

По византийским источникам, число наемных войск не превышало двух тысяч человек,⁴ состоящих из итальянцев и армян. В самой повести цифровые данные весьма приблизительны. Здесь несомненно сказалась тенденциозность автора: „един бяшесь с тысящею, а два с тьмою“⁵ — фраза, которая была нужна не столько для показа численного превосходства противника, сколько для воспеания героизма защитников города. Тем не менее, сведения, которые можно почерпнуть из батальных картин повести, отражают реальное количественное

¹ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 512—513.

² М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками. Ученые записки второго отделения имп. Академии Наук, кн. 1, СПб., 1854, стр. 79, 88, 129, 136.

³ Памятники древней письменности и искусства. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века (По рукописи Троице-Сергиевской лавры нач. XVI века, № 773). Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886, стр. 13.

⁴ М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками, стр. 88.

⁵ Повесть о Царьграде. . . , стр. 7.